

Г.С. Зобин
G.S. Zobin

**«САМОВЛАСТИТЕЛЬНЫЙ ЗЛОДЕЙ»
ИЛИ «ПОСЛАННИК ПРОВИДЕНИЯ»?
(ОБРАЗ НАПОЛЕОНА В ПОЭЗИИ А.С. ПУШКИНА)
“SELF-DOMINATING VILLAIN” OR “MESSENGER
OF PROVIDENCE”?
(THE IMAGE OF NAPOLEON IN THE POETRY
OF ALEXANDER PUSHKIN)**

Наполеон в творчестве А.С. Пушкина. Осмысление фигуры Наполеона в современной поэту истории.

Napoleon in Alexander Pushkin's works . The comprehension of Napoleon's figure in contemporary history for poet.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, стихи, Наполеон, Отечественная война 1812 года

Keywords: Alexander Pushkin, poems, Napoleon, the Patriotic war of 1812.

В мировой и русской истории двумя самыми загадочными, противоречивыми и одновременно главными фигурами для Пушкина были Петр I и Наполеон. Над их значением он размышлял всю жизнь. Но Петр для него был фигурой «домашней» в самом глубоком смысле слова, связанной с живым семейным преданием с обеих сторон – и с памятью черного прадеда Абрама Ганнибала, и с историей рода Пушкиных, о чем свидетельствует стихотворение «Моя родословная». Известно, что в набалдашник трости Пушкина была вмонтирована пуговица от камзола Петра Великого, подаренная когда-то царем своему крестнику-арапу, чем поэт очень гордился. Немало о петровской старине поведала ему в детстве бабушка – Мария Алексеевна Ганнибал. Впоследствии, в 1830-е гг., Пушкин изучил

множество печатных и письменных источников, готовясь работать над историей петровского царствования. Тогда он ясно осознавал себя преемником Н.М. Карамзина. Конспект этой истории, как и неоконченный роман о петровской эпохе, – «Арап Петра Великого», – публикуется почти в каждом пушкинском собрании сочинений. Но вот что характерно – к осмыслению личности Петра Пушкин обратился уже в зрелый период своего творчества. Впервые имя царя-реформатора появляется в стихотворении 1826 г. «Стансы». В юности Пушкин воспринимал Петра как великое прошлое России. Гений должен был созреть, чтобы понять всей глубиной ума и сердца – минувшее никуда не уходит. Оно продолжает жить в настоящем. Итогом раздумий и опыта станет «Медный всадник», где появится другой Петр, растоптавший жизнь «маленького человека» Евгения, одного из современников поэта.

Наполеон же сопутствовал Пушкину буквально с его колыбели. Через полгода после рождения поэта, в год, ознаменовавшийся последним суворовским походом в Италию и Швейцарию, где русские войска впервые повидались со своими мощными противниками, тридцатилетний генерал Бонапарт стал первым консулом Франции. Он принял тот же титул, что и его кумир – Юлий Цезарь. Также как для него, и для Бонапарта это был первый шаг к упразднению Республики.

Когда Пушкину исполнилось пять лет, первый консул Бонапарт стал императором Франции Наполеоном I. В московском доме графа Петра Львовича Санти, в тихой Огородной слободе, где квартировала семья Пушкиных, мальчик слышал, как гости родителей в своих беседах обсуждают вести о поражениях русских войск на полях Австрии и Пруссии, с какой горечью произносят неведомое прежде название «Тильзит», как французские эмигранты-роялисты, всегда столь любезно принимаемые, с ужасом говорят о «чудовище»...

Впрочем, среди знакомых Пушкиных есть немало и тех, кто восхищается Бонапартом, его установлениями во Франции. Чего стоит один Гражданский кодекс! Но какие убытки несет Отечество от континентальной блокады, поддержать которую Наполеон принудил

государя! Да, канула навсегда в прошлое слава великолепного екатерининского века, когда никто не смел диктовать России условия. Миновало время грозных и непобедимых полководцев – Орлова, Румянцева, Потемкина, Суворова. Ныне все другое...

Велись эти разговоры по преимуществу на французском языке. Париж продолжал восприниматься как столица европейской культуры и законодатель вкуса. Прекрасные библиотеки и папеньки Сергея Львовича, где часами пропадал маленький Пушкин, и особенно жившего по соседству дядюшки Василия Львовича, известного поэта, состояли в основном из французских книг. Язык отечества Корнеля и Расина, Мольера и Фенелона, Буало и Лафонтена, Вольтера и Дидро стал первым языком русского гения. И детские домашние опыты, – эпические и драматические, – осмеянные французом-гувернером, родителями и старшей сестрой Ольгой, и брошенные самим же поэтом в печку, были написаны на нем. В те годы европейский мир через слово становился для Пушкина родным, и недаром. Не было иного пути, чтобы во всей полноте осознать себя русским, как только приобщившись в детстве всечеловечности, о чем впоследствии в своей пушкинской речи говорил Достоевский...

Может быть, не всегда понимая разговоры взрослых, мальчик чувствовал, как набухает время, дышал предгрозовым воздухом великой эпохи. Почти всем было ясно – эта гроза стороной не пройдет.

Она грянула, когда тринадцатилетний поэт заканчивал первый класс Царскосельского лицея, и стала, наверное, самым мощным потрясением в его юности. О своих чувствах в те дни Пушкин вспоминал в последнем неоконченном «лицейском» стихотворении, написанном за несколько месяцев до смерти:

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...

Разница в несколько лет тогда бывала судьбоносной. Мог ли знать Пушкин, провожая вместе с товарищами гвардию, что мимо него в рядах Семеновского полка проходит восемнадцатилетний

прапорщик Петр Яковлевич Чаадаев – его будущий старший друг, мудрый собеседник, который однажды уберезет поэта от отчаянного шага, первый русский религиозный философ, автор «Философических писем»?

Затаив дыхание, слушали лицеисты реляции с театра военных действий. Болью отозвалась в их сердцах весть о взятии французами Москвы. Несколько отроков даже сговорились тайком бежать, чтобы добраться до древней столицы и убить там Наполеона, но их великому замыслу не суждено было осуществиться. Незадачливых заговорщиков поймали, к счастью, еще в лицее. А вскоре пришло известие об оставлении Москвы неприятелем. В несколько месяцев Пушкин и его сверстники пережили и перечувствовали то, что другие порой – за десятилетия.

Весной 1814 г. Париж был взят и Наполеон повержен. Ликуя, встречали лицеисты в Царском Селе вернувшегося победителя Александра I. Впоследствии отношение к этому государю у Пушкина было столь же сложным и противоречивым, как и к Петру I, и к Наполеону. Поэт ставил ему в вину и «неправое гоненье», и свою несбывшуюся надежду увидеть «Рабство, падшее по манию царя», и характерную для Александра внутреннюю раздвоенность, и постоянно носимую личину, но, в конечном счете, все прощал за добрые намерения и благие перемены первых лет царствования, за основание Лицея и за победу над страшным врагом России и Европы. Живая память тех прекрасных дней отозвалась в последнем «лицейском» стихотворении и подвела итог эпохе Александра:

Вы помните, как наш Агамемнон
Из пленного Парижа к нам примчался.
Какой восторг тогда пред ним раздался!
Как был велик, как был прекрасен он,
Народов друг, спаситель их свободы!
Вы помните – как оживились вдруг
Сии сады, сии живые воды,
Где проводил он славный свой досуг.
И нет его – и Русь оставил он,
Взнесенну им над миром изумленным,

И на скале изгнанником забвенным,
 Всему чужой, угас Наполеон.

Видя великие успехи внешней политики Александра I, Пушкин не мог закрывать глаза на провалы в политике внутренней, приведшие позже к катастрофе.

Наполеон же впервые появился в поэзии пятнадцатилетнего Пушкина в 1814 г. – в «Воспоминаниях в Царском Селе». Стихотворение было написано по «горячему следу» главного события этого года – окончательной победы над завоевателем. Говоря в первых семи строфах о славе екатерининского века, которой был исполнен самый облик Царского Села, о Чесменской колонне, напоминающей юному поэту о подвигах его двоюродного деда, Ивана Абрамовича Ганнибала, о великих полководцах, воспетых в одах Державина и Василия Петрова, Пушкин затем переходил к грозным потрясениям нового времени, узлы которых завязывались в том же XVIII столетия.

Блеснул кровавый меч в неукротимой длани
 Коварством, дерзостью венчанного царя;
 Восстал вселенной бич – и вскоре новой брани
 Зарделась грозная заря.

Это изображение Наполеона перекликалось с его портретом в стихотворении г.Р. Державина «Фонарь», написанном в 1804 г., когда тот все очевиднее рвался к ничем и никем неограниченной власти:

Отважный, дерзкий вождь, счастливый,
 Чрез свой пронырливый, кичливый
 И твердый дух
 Противны разметав знамены,
 И на чело свое собрав
 Вокруг
 С народов многих лавр зеленый,
 И царские права поправ,
 В чаду властолюбивой страсти
 У всей народной силы, власти
 Взял перевес:
 Граждан не внемлет добрых стону,
 Простер десницу на корону...
 Исчезнь! Исчез.

Державин предсказал крушение диктатора, бросившего вызов Творцу, за десять лет до того, как оно совершилось. На одном из знамен наполеоновской армии был начертан насмешливо-самодовольный вопрос: «Что есть Бог?» Судьба этого знамени, поверженного среди других трофейных французских штандартов на пол Собора Казанской иконы Божией Матери в Петербурге, стала безмолвным, но красноречивым ответом.

И патриарх русской поэзии, и юный гений видели в Наполеоне безбожного злодея и узурпатора, чья слава развеялась, как дым. В «Воспоминаниях в Царском Селе» Пушкин называл императора Франции «тираном» и писал о нем:

Где ты, любимый сын и счастья и Беллоны,
Презревший правды глас, и веру, и закон,
В гордыне возмечтав мечом низвергнуть троны?
Исчез, как утром страшный сон!

Особенно сильно ранен был Пушкин известием о гибели его родной Москвы, где он провел столько счастливых часов в уютных усадьбах и садах Огородной, Немецкой и Поварской слободы, в обширных домашних библиотеках родителей и их знакомцев, в прогулках по прекрасному городу:

Москва, сколь русскому твой зрак унылый страшен!
Исчезли здания вельможей и царей,
Всё пламень истребил. Венцы затмились башен,
Чертоги пали богачей.

И там, где роскошь обитала
В сенистых рощах и садах,
Где мирт благоухал и липа трепетала,
Там ныне угли, пепел, прах.

Эти пушкинские строки явственно перекликались с посланиями К.Н. Батюшкова «К Дашкову» и В.А. Жуковского «К Ив. Ив. Дмитриеву», написанными годом ранее, где речь также шла о разрушенной, такой прежде милой, уютной, гостеприимной и просвещенной Москве.

В следующем, 1815 г., Пушкин вновь обращается к наполеоновской теме. Поводом для этого стало известие о бегстве Наполеона из места его заточения – с острова Эльбы, о том, что французская

армия перешла на сторону прежнего императора, и он захватил Париж. Призрак реванша и новой страшной войны (следы недавней еще не ушли с русской земли: Москва была в руинах и земли, по которым прокатилась страшная война, еще долго восстанавливались) вновь замаячил перед Россией и Европой. С марта на апрель Пушкин пишет стихотворение «Наполеон на Эльбе», напечатанное позже в «Сыне отечества», 1815, № 25–26. Наполеона поэт называл в нем «губителем» и «хищником». Значительная часть стихотворения была написана в виде монолога от лица самого Наполеона, где он говорит о своих злодейских замыслах, лелеемых в сердце, стремясь вернуть утраченную власть и насладиться мстостью за поражение:

Полнощи царь молодой! ты двинул ополченья,
И гибель вслед пошла кровавым знаменам,
Отозвалось могущего паденье,
И мир земле, и радость небесам,
А мне – позор и заточенье!

Но близок час! грядет минута роковая!
Уже летит ладья, где грозный трон сокрыт;
Кругом простерта мгла густая,
И, взором гибели сверкая,
Бледнеющий мятеж на палубе сидит.
Страшись, о Галлия! Европа! мщенье, мщенье!
Рыдай – твой бич восстал – и все падет во прах,
Все сгинет, и тогда, в всеобщем разрушенье,
Царем воссяду на гробах!»

Наполеон был изображен здесь юным Пушкиным апокалиптическим губителем, коим – и не без оснований – почитали его многие современники, вспоминая при этом стих из «Откровения Св. Иоанна Богослова», где говорилось о чудовищной, губящей все живое саранче: «Царем над собою она имела ангела бездны; имя ему по-еврейски Аваддон, а по-гречески Аполлион» (Откр., 9, 11)

Созвучие имен наводило на размышления. Наполеон и в самом деле ради своих побед не щадил людских жизней и не считался с потерями. Именно при нем смерть в сражениях стала «оптовой». В этом смысле он был предтечей двух мировых войн XX столетия,

где счет убитым пошел на миллионы. В своих мемуарах о кампании 1812 года генерал де Коленкур рассказывал, как Наполеон погубил множество солдат Молодой гвардии длительными безостановочными маршами в холодные летние ночи, как в расчете на скорую победу он не позаботился о достаточном количестве лазаретов, врачей, медикаментов, о бесперебойном довольствовании армии. Пушкин уже тогда разглядел в Наполеоне те черты, которые позже отозвались известным четверостишием во 2-й главе «Евгения Онегина»:

Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно;
Нам чувство дико и смешно.

Неслучайным в стихотворении было и упоминание о «мятеже», и строка –

Побегли с трепетом законные цари (курсив мой) –
о бегстве из Парижа короля Людовика XVIII и его семьи.

Пушкин понимал, что Наполеон всегда носил в себе дух французской революции, породившей его. В Лицее, где поэт учился, благодаря лекциям профессора А.П. Куницына царило высокое уважение к праву, усвоенное и Пушкиным. Бурбоны были для него пусть не лучшей, но законной династией, а Наполеон – мятежником и узурпатором, самовластным тираном, попирающим закон.

Впрочем, несмотря на тревогу, охватившую тогда европейское, в том числе и русское общество, в глубине души поэт понимал, что «сто дней» Наполеона не более, чем агония, что судьба его уже предрешена.

Все смолкло... трепещи! погибель над тобою,
И жребий твой еще сокрыт!

В ноябре того же года по заказу лицейского начальства Пушкин написал стихотворение «Александр» для торжественной встречи императора, возвращающегося из Парижа после второго и окончательного низвержения Наполеона. Но Александр I отменил церемонию, и Пушкин отправил стихотворение в письме директору департамента Министерства просвещения И.И. Мартынову с пожеланием, чтобы его вручил государю министр просвещения граф А.К. Разумовский. Поз-

же оно без ведома Пушкина было опубликовано в «Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете» за 1817 г., ч. IX, под названием «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году». По отношению к Наполеону в стихотворении Пушкин употребляет все то же определение «губитель»:

Звезда губителя потухла в вечной мгле –
но при этом видит в нем и черты величия:
В могущей дерзости венчанный исполин.

Противостояние между Александром I и Наполеоном было для юного Пушкина противостоянием между освободителем и поработителем. Он прославлял российского императора как спасителя Отечества и избавителя европейских народов от наполеоновской тирании. В стихотворении «Александр» слышался отзвук кантаты Жуковского «Песнь барда над гробом славян-победителей» 1806 г., где поэт призывал россиян расторгнуть плен Европы, особенно дружественного германского народа. Европейский мир с его культурой для русской поэзии всегда был своим. Обращаясь к Александру I, Пушкин писал:

О, сколь величествен, бессмертный, ты явился
Когда на сильного с сынами устремился;
И, челы приподняв из мрачности гробов,
Народы, падшие под бременем оков,
Тяжелой цепию с восторгом потрясали
И с робкой радостью друг друга вопрошали:
«Ужель свободны мы?.. Ужели грозный пал?..
Кто смелый? Кто в громах на севере восстал?..»
И ветхую главу Европа преклонила,
Царя-спасителя колена окружила
Освобожденную от рабских уз рукой,
И власть мятежная исчезла пред тобой!

Слово «мятеж» и связанные с ним эпитеты в словаре Пушкина всегда имели отрицательный оттенок, относились ли они к историческим событиям или к личной жизни человека. Наполеон, как прямое порождение французской революции, был для Пушкина и мятежником, и тираном одновременно. Его «власть мятежная» противопоставлялась по смыслу законной власти победителя Александра.

Вспоминал Пушкин в этом стихотворении и о своих переживаниях трехлетней давности. Досаду мальчишки 1812 года, не успевшего принять личное участие в великих событиях, он втайне сохранил навсегда.

А я... вдали громов, в сени твоей надежной...
Я тихо расцветал беспечный, безмятежный!
Увы! мне не судил таинственный предел
Сражаться за тебя под градом вражьих стрел!
Сыны Бородина, о кульмские герои!
Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторженной за братьями спешил.
Почто ж на бранный дол я крови не пролил?
Почто, сжимая меч младенческой рукою,
Покрытый ранами, не пал я пред тобою
И славы под крылом наутро не почил?
Почто великих дел свидетелем не был?

В мае 1816 г. в Петербурге принимали наследного принца Нидерландов Вильгельма Оранского. За год до этого он участвовал в битве при Ватерлоо под начальством герцога Веллингтона, где храбро сражался и был ранен. В Россию он прибыл, чтобы посвататься к великой княгине Анне Павловне, сестре Александра I, которая вскоре стала его женой. Стихотворение-приветствие принцу заказали сначала известному поэту Ю.А. Нелединскому–Мелецкому, входившему в ближайшее окружение вдовствующей императрицы Марии Федоровны, но тот, почувствовав себя не в силах выполнить этот заказ, по совету Карамзина передоверил его Пушкину, приехав к юному стихотворцу в Лицей.

Через час с небольшим Нелединский–Мелецкий получил от него готовое стихотворение «Принцу Оранскому». Положенное на музыку, оно было исполнено в Павловске на празднике в честь новобрачных. Принца Вильгельма, будущего короля Нидерландов, Пушкин восславил в нем такими словами:

Хвала, о юноша герой!
С героем дивным Альбиона
Он верных вел в последний бой
И мстил за лилии Бурбона.

Были в стихотворении и строки, посвященные победе над Наполеоном:

Свершилось... взорами царей
Европы твердый мир основан;
Оковы свергнувший злодей
Могущей бранью снова скован.

Узрел он в пламени Москву –
И был низвержен ужас мира,
Покрыла падшего главу
Благословенного порфира.

Словосочетание «ужас мира» очень скоро отзовется в другом стихотворении.

Выйдя из Лицея, в июне 1817 г., Пушкин поступил на службу в Коллегию иностранных дел. Он подружился с братьями Тургеневыми, в квартире которых часто бывал, особенно с Николаем, глубоко образованным и высоконравственным человеком, строгих жизненных правил, неукоснительным поборником реформ и отмены крепостного рабства и вместе с тем решительным противником насильственного, революционного изменения государственного порядка, что впоследствии привело его к разрыву с декабристами. Н.И. Тургенев стал старшим другом Пушкина, оказавшим огромное воздействие на его взгляды. Они нашли отражение в оде «Вольность», которую поэт начал писать в квартире братьев Тургеневых. Название этого стихотворения неслучайно перекликалось с одноименной одой Радищева. Она была напечатана в 1790 г. в «Путешествии из Петербурга в Москву» и после изъятия книги ходила в списках. Пушкин хорошо ее знал, но его воззрения на то, что есть настоящая свобода, коренным образом расходились с радищевскими. Радищев исходил из известного утверждения Руссо, что народ имеет право на восстание. Он считал, что именно народ дает власть монарху, и если тот злоупотребляет своим положением, может свергнуть и даже казнить его, о чем и говорится в радищевской «Вольности»:

Сковав сторучна исполина,
Влечет его, как гражданина,

К престолу, где народ воссел:
«Преступник власти мною данной!
Вещай, злодей, мною венчанный,
Против меня восстать как смел?..

Пушкин же, воспитанный в Лицее на лекциях профессора Куницына о естественном праве, знал, что власть монарху дает не народ, а закон, но, в отличие от незаконного и самовластного деспота, настоящий государь первым подчиняется ему и подает в том пример своим подданным. Эту мысль поэт усвоил и благодаря другому великому французу – Фенелону, чей роман Третьяковский переложил гекзаметрами в многократно осмеянную неблагодарными соотечественниками «Тилемахиду». Смеяться над «дактило-хоренческим витязем» было легко, усвоить его и фенелоновы уроки – намного труднее.

Я спросил у него, состоит в чем царска державность?
Он ответил: царь властен есть во всем над народом;
Но законы над ним во всем же властны конечно.
Мощь его самодержжна единственно доброе делать;
Связаны руки имеет он на всякое злое.
Их законы во власть ему народ поверяют,
Как предрагий залог из всех во свете залогов...

Условие счастливого общественного устройства Пушкин видел в неразрывном сочетании Свободы и Закона. В отличие от Радищева, для него было равным бедствием, когда закон попирался венчанным тираном или же буйством «революционных масс» и их вожаков.

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с Вольностью святой
Законов мощных сочетанье;

Владыки! вам венец и трон
Дает Закон – а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.
И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно!

Примером попрапия закона царем для Пушкина стало безумное правление Павла I, убитого заговорщиками, примером попрапия его народом – французская революция, казнившая законного короля и приведшая к неограниченной власти узурпатора и тирана Наполеона.

Восходит к смерти Людовик
В виду безмолвного потомства,
Главой развенчанной приник
К кровавой плахе Вероломства.
Молчит Закон – народ молчит,
Падет преступная секира...
И се – злодейская порфира
На галлах скованных лежит.

Самовластительный Злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты Богу на земле.

По отношению к Наполеону в «Вольности» Пушкин вновь повторил словосочетание «ужас мира», впервые употребленное им в стихотворении «Принцу Оранскому» применительно к императору-завоевателю.

На одном из списков оды, которая при жизни поэта не печаталась и стала одной из причин его ссылки, Пушкин сделал примечание: «Наполеонова порфира... Замечание для В.Л.П., моего дяди (родного)».

В 1800-е гг. Василий Львович Пушкин восхищался Наполеоном. И.И. Дмитриев тиражом в 50 экземпляров опубликовал в Москве отдельным изданием в 1808 г. свое шуточное стихотворение «Путешестве N.N. в Париж и Лондон, писанное за три дня до путешествия». За инициалами N.N. все общие знакомые легко узнавали Василия Львовича. Среди его «путевых заметок» были и такие строки:

Я был в Лицее, в Пантеоне,
У Бонапарта на поклоне;
Стоял близехонько к нему,
Не веря счастьем моему.

Впрочем, восхищение Наполеоном изрядно поубавилось после того, как в московском пожаре 1812 года сгорела богатейшая библиотека Василия Львовича – предмет его любви и гордости.

После ссылки (формально – служебного перевода) на Юг вольнолюбивые настроения Пушкина, сформировавшиеся в Петербурге благодаря влиянию старших друзей, таких как Н.И. Тургенев и П.Я. Чаадаев, значительно усилились. Позднего александровского царствования, становящегося все более деспотическим и застойным, с его мертвящим покоем поэт принять не мог. К тому же на его глазах начинала бурлить Европа, особенно Средиземноморье. Волновались Испания, Неаполь, Пьемонт, против османского ига поднялась Греция. Во главе этого восстания стоял князь Александр Ипсиланти – офицер русской службы, потерявший руку в битве под Лейпцигом. В Кишиневе Пушкин видел, как формировались отряды греческих добровольцев и сам, как и многие его просвещенные соотечественники, мечтал принять участие в освобождении Эллады. Особенно вдохновлял его на это пример Байрона, которым Пушкин тогда «заболел».

Позже он станет антиподом британского гения, будет вести с ним в своей поэзии скрытый (да и не только) спор. Но в те годы под влиянием Байрона у Пушкина произошел перелом в отношении к Наполеону. Поэт увидел в нем некое подобие героев байроновских поэм – трагически-одинокую, сильную, возвышающуюся над другими исключительную личность. Сказалось и свободолюбие в ответ на повсеместно торжествующую реакцию – ведь именно Наполеон закончил с остатками феодализма в Европе, чего Пушкин так страстно желал для России. К тому же прежняя ненависть к захватчику теперь сменилась состраданием к узнику. Пинать поверженных никогда не было в правилах русской поэзии.

В июле 1821 года до Пушкина дошло известие о смерти Бонапарта на острове Святой Елены. Плодом раздумий поэта над значением этой грандиозной фигуры для мировой истории, для современности,

попыткой понять, чем же все-таки был император Франции, стало стихотворение «Наполеон». В нем Пушкин создал образ двоякий, глубоко парадоксальный, оставляющий гораздо больше вопросов, чем ответов. Деспотизм поэт ненавидел всегда, будь то «державный» или революционный, о чем свидетельствовало стихотворение того же года «Кинжал». Этого «орудия справедливости», по Пушкину, были равно достойны и поправший республиканскую свободу Рима с высоты престола Цезарь, и «исчадье мятежей» – «палач уродливый» Марат.

Но в Наполеоне Пушкин видел одновременно и деспотизм, и величие, которого не находил ни в «апостоле гибели» Марате, ни в «сентиментальном тигре» Робеспьере.

О ты, чьей памятью кровавой
Мир долго, долго будет полн,
Приосенен твоею славой,
Почий среди пустынных волн!
Великолепная могила...
Над урной, где твой прах лежит,
Народов ненависть почил
И луч бессмертия горит.

Пушкин по-прежнему воспринимал Наполеона как прямое порождение революции с ее пренебрежением к человеческой жизни. Это свойство император Франции в полной мере воплощал в своем правлении. В отличие от свободы, всегда опирающейся на закон, разгул своеволия неизбежно вел к самовластию. Его для Пушкина и олицетворял собой Наполеон, с юных лет обуянный неизбывной, ничем не утоляемой жаждой власти.

Тогда в волненье бурь народных
Предвидя чудный свой удел,
В его надеждах благородных
Ты человечество презрел.
В свое погибельное счастье
Ты дерзкой веровал душой,
Тебя пленяло самовластье
Разочарованной красой.
И обновленного народа
Ты буйность юную смирил,

Новорожденная свобода,
Вдруг онемев, лишилась сил...

Счастье завоевателя Европы Пушкин недаром называл «погибельным», а его величие – «постыдным». Но тем не менее сквозь это неприятие чувствовалось и тайное восхищение исполинскими свершениями легендарного полководца, чье имя уже тогда стояло в одном ряду с Александром Македонским, Ганнибалом и Цезарем. И особенно возрастала гордость за Россию, не покорившуюся могучему хищнику и победившую сильнейшую армию Европы во главе с великим стратегом, освободив от гнета европейские народы.

И всё, как буря, закипело;
Европа свой расторгла плен;
Во след тирану полетело,
Как гром, проклятие племен.
И длань народной Немезиды
Подъяту видит великан:
И до последней все обиды
Отплачены тебе, тиран!

Слово «тиран» в этой строфе Пушкин употребил дважды. Такое отношение к Наполеону оставалось для него аксиомой, но им не исчерпывалась пушкинская оценка «мужа судеб». Следующая строфа свидетельствовала о сострадании к узнику и прощении умершего:

Искуплены его стяжанья
И зло воинственных чудес
Тоскою душного изгнанья
Под сенью чуждою небес.

Последние строки были парадоксальны: поэт неожиданно увидел в Наполеоне не только тирана, но и провозвестника свободы:

Хвала! он русскому народу
Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.

Две предпоследние строфы были написаны на три года позже всего остального текста – в 1824 г. К этому же времени относится и стихотворение «К морю», в котором Пушкин оплакивал Наполеона и только что умершего тогда Байрона:

Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.

Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба людей повсюду та же:
Где капля блага, там на страже
Уж просвещение иль тиран.

Порядок и мир, установленные в Европе Священным Союзом после победы над Наполеоном, Пушкин воспринимал как торжество посредственности, когда насильственно гасится каждый высокий порыв и ничто великое, выходящее за грани убийственной для ума и сердца обыденности, становится невозможным. В поэтическом гении Байрона и в военно-политическом гении Наполеона Пушкин видел вызов этой царящей повсюду заурядности, поправшей свободу.

В том же 1824 г он написал два стихотворения, оставшиеся незавершенными – «Недвижный страж дремал на царственном пороге...» и «Зачем ты послан был и кто тебя послал?» В них поэт также пытался решить неразрешенный для себя вопрос, чем же все-таки был Наполеон.

В первом стихотворении «владыка севера» любителю на «тихую неволю», установленную им, «главой царей», по всей Европе после подавления революционных движений начала 1820-х гг.

И делу своему владыка сам дивился.
Се благо, думал он, и взор его носился
От Тибровых валов до Вислы и Новы,
От саркосельских лип до башен Гибралтара:
Всё молча ждет удара,
Всё пало – под ярем склонились все главы.

Еще в первой строфе стихотворения изображение Александра I было связано с неподвижностью и застылостью, с «дремотой», в которую он погружал мир вокруг себя. Недаром это слово отзовется у Пушкина и позже – в сожженной десятой главе «Евгения Онегина»: «...Наш царь дремал».

Любуясь европейским покоем, не видя угрозы для своей безграничной власти, государь задает роковой вопрос: «Вот Кесарь – где же Брут?» И словно ответ с полночным боем часов ему является призрак Наполеона. Пушкин по-прежнему видит в нем неразвязанный узел противоречий: с одной стороны тиран, носящий в себе дух революции, с которой он сам же и покончил, с другой – свершитель таинственного Божьего замысла в истории, может быть, вопреки своей собственной воле:

То был сей чудный муж, посланник Провиденья,
Свершитель роковой безвестного вельенья,
Сей всадник, перед кем склонилися цари,
Мятежной вольности наследник и убийца,
Сей хладный кровопийца,
Сей царь, исчезнувший, как сон, как тень зари.

В противовес «недвижному» русскому царю, Пушкин рисует Наполеона воплощением движения, энергии, огненной мощи, сравнивает его с «молнией», с «боевым перуном». Вчерашний завоеватель Европы и диктатор теперь воспринимался поэтом как знак Свободы.

Еще более парадоксально изобразил Пушкин Наполеона в отрывке «Зачем ты послан был и кто тебя послал?» Наполеон предстал в нем как «муж судеб», вслед за якобинским террором окончательно покончивший с надеждами эпохи Просвещения на установление в мире царства Свободы, разума и прав человека. Поэт силился разгадать эту загадку и не мог.

Зачем ты послан был и кто тебя послал?
Чего, добра иль зла, ты верный был свершитель?
Зачем потух, зачем блистал,
Земли чудесный посетитель?

В последующих стихах Пушкин еще не раз обращался к наполеоновской теме. И там, где речь шла о защите чести Отечества,

в нем всегда просыпался все тот же мальчишка двенадцатого года. Так, в 1827 г. его глубоко возмутила бонапартистская песня, которую он приписывал Беранже, на самом деле написанная поэтом Дебро. Пушкин ответил на нее песней «Рефутация г-на Беранжера», где «Бонапарт – буян» был удостоен таких строк:

Ты помнишь ли, как царь ваш от угара
Вдруг одурел, как бубен гол и лыс,
Как на огне московского пожара
Вы жарили московских наших крыс?

Два других упоминания были связаны с Польским восстанием 1830–1831 гг., когда депутаты Французской палаты призывали к вооруженному вмешательству в русско-польские военные действия. Обращаясь к ним в стихотворении «Клеветникам России», Пушкин писал о главной причине их ненависти к его Отечеству:

За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?

Этот же мотив, связанный с принадлежавшей России честью победы над гигантом, поработившим Европу, звучал и в стихотворении «Бородинская годовщина». День Бородина в 1831 г. совпал с взятием Варшавы, что побудило у Пушкина память о пережитом в лицейские годы.

Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда ее вела!..
Но стали ж мы пятою твердой
И грудь приняли напор
Племен, послушных воле гордой,
И равен был неравный спор.

Но наиболее значительным для осмысления фигуры Наполеона в пушкинской поэзии тех лет стало стихотворение «Герой», написанное в 1830 г. Со времени романтического «южного» периода,

отмеченного влиянием Байрона, оценка исторической личности у Пушкина полностью изменилась. Теперь на первый план выступало требование не исключительности, а нравственной высоты и человечности. В одном из черновиков появился тогда стих: «Герой, будь прежде человек!» При такой точке отсчета никакие великие деяния Наполеона не имели оправдания. Самым точным вновь стало прежнее определение «самовластительный злодей». И все же Пушкин не мог этим удовлетвориться. В стихотворении «Герой» о Наполеоне между собой толкуют поэт и его друг. Но на самом деле здесь одна партия разложена на два голоса. Пушкин-поэт спорит с Пушкиным-историком. Происходит некий внутренний диалог. Поэту по-прежнему дорог «сей ратник, вольностью венчанный», но теперь оправдание его жизни он видит не в великих и кровавых деяниях, не в блеске мощной власти и всемирной славы, а в единственном поступке, сочетавшем в себе самоотверженность и милосердие. Предание гласило, что во время Египетского похода Наполеон посетил чумной госпиталь в Яффе, где лежали его умирающие солдаты, и одному из них, рискуя собственной жизнью, пожал руку.

Одров я вижу длинный строй,
Лежит на каждом труп живой,
Клейменный мощною чумою,
Царицею болезней... он,
Не бранной смертью окружен,
Нахмурясь ходит меж одрами
И хладно руку жмет чуме
И в погибающем уме
Рождает бодрость... Небесами
Клянусь: кто жизнью своей
Играл пред сумрачным недугом,
Чтоб ободрить угасший взор,
Клянусь, тот будет Небу другом...

Некоторые историки отрицали достоверность этого эпизода. Сомневался в ней и Пушкин, но всей душой хотел верить:

Оставь герою сердце... что же
Он будет без него? Тиран...

Нечто подобное произошло у Пушкина и по отношению к Петру I. После «Медного всадника», где «могучий седок» из «Полтавы» превращается в «кумира на бронзовом коне», впервые в русской поэзии являет свой страшный, губительный облик, Пушкину потребовалось оправдание Петра. Через два года он пишет «Пир Петра Великого», в котором создатель новой России предстает великодушным, умеющим прощать от всего сердца.

Стихотворение «Герой» заканчивается отточием, поставленным там, где его мог поставить только гений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. Т. 2. М.: Павда», 1981. С. 297.

² Там же.

³ Там же. Т. I...С. 55.

⁴ Державин Г.Р. Сочинения. Л.: Худож. лит., 1987. С. 182.

⁵ Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. Т. I. С. 58.

⁶ Там же. С. 57.

⁷ Там же. С. 82.

⁸ Пушкин А.С. Собр. соч... Т. 4. С. 34.

⁹ Там же. Т. I. С. 83.

¹⁰ Там же. С. 100.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 101.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 128.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Радищев А.Н. Стихотворения. Л., 1953. С. 82.

¹⁷ Тредиаковский В.К. Избр. произведения. М.–Л., 1963. С. 34.

¹⁸ Пушкин А.С. Собр. соч...Т. I. С. 195.

¹⁹ Там же. С. 195–196.

²⁰ Там же. С. 376.

²¹ Дмитриев И.И. Сочинения. М., 1986. С. 248.

²² Пушкин А.С. Собр. соч...Т. I. С. 270.

²³ Там же.

²⁴ Там же

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Пушкин А.С. Собр. соч... Т. 2. С. 13–14.

²⁸ Пушкин А.С. Собр. соч... Т. I. С. 330.

²⁹ Там же. С. 331.

³⁰ Там же. С. 334.

³¹ Пушкин А.С. Собр. соч... Т. 2. С. 116.

³² Там же. С. 206.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 191.

³⁵ Там же. С. 192.